

ПОДВИГ ВОСПИТАТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ ДЕТСКИХ САДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.А.Голдовская

Аннотация

В статье показана деятельность московских детских садов в годы Великой Отечественной войны. Представлены ранее неизвестные архивные материалы и факты деятельности столичных воспитателей в условиях военного времени, жизни детских садов в эвакуации. Охарактеризованы разнообразные формы работы с дошкольниками, организованные педагогами, преподавателями и студентами дошкольного отделения МГПИ им. В.И.Ленина. Раскрыта роль воспитателей в сохранении жизни московских детей, решении насущных организационных и педагогических вопросов.

Ключевые слова

Детский сад, эвакуация, интернат, бомбоубежище, воспитатели, студенты, дошкольная работа.

FEAT EDUCATORS MOSCOW KINDERGARTEN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A.A. Goldovskaya

Annotation

The article shows the activities of the Moscow kindergartens in the Great Patriotic War. We present previously unknown archival materials and the facts of the capital's teachers in wartime, life kindergartens in the evacuation. We characterize the different forms of work with preschool children, organized by teachers, teachers and students of preschool department Moscow State Pedagogical Institute. Lenin. The role of educators in the preservation of life of children in Moscow, the solution of pressing organizational and pedagogical issues.

Key words

Kindergarten, evacuation, boarding, shelter, educators, students, pre-school job.

Сведения об авторе

Голдовская Анастасия Александровна, аспирант кафедры дошкольной педагогики ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»
e-mail: maktub-24@rambler.ru

ПОДВИГ ВОСПИТАТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ ДЕТСКИХ САДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье показана деятельность московских детских садов в годы Великой Отечественной войны. Представлены ранее неизвестные архивные материалы и факты, характеризующие деятельность столичных воспитателей в условиях военного времени и функционирования детских садов в эвакуации. Охарактеризованы разнообразные формы работы с дошкольниками, организованные педагогами, преподавателями и студентами дошкольного отделения Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Раскрыта роль воспитателей в сохранении жизни московских детей, решении насущных организационных и педагогических вопросов.

Ключевые слова. *Детский сад, эвакуация, интернат, бомбоубежище, воспитатели, студенты, дошкольная работа.*

Страницы дошкольного воспитания военных лет стали ярким примером энтузиазма и самоотверженности взрослых во имя спасения жизни детей. Работавшие в годы Великой Отечественной войны буквально на пределе человеческих возможностей, коллективы детских садов доказали свое беспримерное мужество. Чем дальше от нас это время, тем более очевидна правда о подвиге воспитателей, сумевших сохранить детям детство и воспитать деятельное и творческое поколение, ярко проявившее себя в 60-е годы прошлого столетия. К сожалению, по справедливому замечанию Л.И. Красногорской, московский материал «отражен очень мало». Однако в победу в этой кровопролитной войне дошкольные педагоги Москвы внесли существенный вклад, который еще недостаточно изучен и обобщен.

К началу 40-х годов прошлого века в столице сложились благоприятные условия для успешного развития дошкольного воспитания: в 1940 г. в городе было 943 детских сада, в которых воспитывались 64 989 детей; при этом более 70% детей посещали ведомственные дошкольные учреждения. По итогам I Московской научно-практиче-

ской конференции дошкольных работников (декабрь 1940 г.), Приказом Наркомпроса РСФСР от 18 марта 1941 г. лучшие воспитатели и коллективы детских садов страны были награждены грамотами. В последующие годы планировалось расширение сети детских садов, повышение квалификации педагогов, однако все эти планы остановила война.

В годы Великой Отечественной дошкольное воспитание страны было направлено на обеспечение полноценной жизни детей, фактически на сохранение целого поколения, а значит, и надежд на будущее. Перед педагогами встали первостепенные задачи: увеличение численности воспитанников в детских садах и переход на иной, непривычный режим работы. Сложность и многообразие форм работы, реализованных воспитателями в военные годы, поражают. Создавались детские дома для детей, лишившихся родителей (часто смешанного типа – для малышей и школьников, чтобы не разъединять детей разного возраста из одной семьи), группы детских садов с продленным графиком работы (до 12–18 часов), круглосуточные дежурные группы, в том числе выходного дня. Детские сады открывались в бомбоубежищах, появились туберкулезные санатории и туберкулезные группы в детских садах с усиленным питанием для детей с ослабленным здоровьем, интернатные группы в детских садах для

матерей-одиночек, родителей, находившихся на казарменном положении, дошкольные интернаты в эвакуации. Помимо этого действовали детские площадки, детские комнаты при эвакуопунктах, передвижные детские сады, следовавшие за возведением оборонительных рубежей города, детские сады в утепленных вагонах, отправлявшихся в эвакуацию, столовые для детей и др.

Перед московскими воспитателями, на которых ориентировалась вся страна, многие задачи ставились стихийно, в связи с резким осложнением ситуации на фронте, и принимать решения требовалось оперативно, безотлагательно, ведь на карту были поставлены детские жизни. Так, например, с самых первых дней войны в Москве предпринимались серьезные меры противовоздушной обороны (ПВО). Если заводы и фабрики были хорошо подготовлены к проведению этих мероприятий, то при организации мер ПВО в детских садах возникли трудности. 24–25 июня 1941 г. была организована тренировочная воздушная тревога, к которой дошкольные работники и дети оказались не готовы, что и вызвало необходимость принимать срочные меры для исправления ситуации. Воспитатели самостоятельно разбивали бомбоубежище на сектора для большего удобства размещения ребят, преподносили дошкольникам меры ПВО как игру, и вскоре дети охотно и организованно стали выполнять требования взрослых. В отсутствие четких инструкций московские детские сады разрабатывали собственные правила поведения, которые почти везде были схожи: на пятерых детей приходился один взрослый, полностью отвечающий за все происходящее.

Педагогический коллектив каждого столичного учреждения должен был действовать фактически самостоятельно. Нервозность руководства в первые дни войны приводила к тому, что принимались противоречивые решения. Московский отдел народного образования (МОНО) ежедневно проводил совещания, на которых предписывалось то распускать воспитанников по домам, то собирать их вновь. Не было четких указаний, как вести себя во время воздушной тревоги, что вносило некоторую дезорганизацию в работу детских садов.

Через месяц после начала войны, 22 июля 1941 г., был совершен первый воздушный

налет на Москву, и в городе установили режим военного времени: с 19 часов до 5 утра на улицах резко сокращалось движение, а с наступлением сумерек вводилось полное затемнение. От бомбежек за первые месяцы войны пострадали здания театров, больниц, трех детских садов и др. Так, 23 июля 1941 г. детский сад № 5 был разворочен фугасной бомбой. На улице валялись мебель, ковры, куклы с оторванными головами – все, что долгие годы с любовью создавалось дошкольными работниками, мгновенно превратилось в груды кирпичей.

Войска противника продолжали наступление, оказываясь с каждым днем все ближе к столице. Теперь кроме мер ПВО дошкольные педагоги решали проблему организации передвижных детских садов, в которых столица отчаянно нуждалась. Москвичи возводили баррикады на подступах к городу, и за детьми некому было присматривать: взрослые после рабочей смены по колено в грязи строили оборонительные рубежи и возвращались домой поздней ночью. Тогда дошкольные работники стали организовывать для детей, чьи матери работали на строительстве, детские сады-передвижки, которые передвигались по линии оборонительных укреплений.

Детские сады, которые война застигла на летней даче, также оказались в тяжелых условиях: персонал спал буквально два–три часа в сутки, да и то днем, так как ночью педагоги постоянно дежурили возле детей. Только сила духа помогала воспитателям продолжать занятия с детьми, не опускать рук, хотя среди педагогов были и те, кто панически боялся бомбардировок: беспокоились, суеились, беспорядочно бегали, хватаясь то за детей, то за вещи, но постепенно спуск по тревоге в бомбоубежище стал привычным и четко организованным. Многие родители пребывали в растерянности, не имея возможности выехать вместе со своими детьми, опасались и отправлять их в тыл, и оставаться с ними в Москве. Они приходили в детские сады, советовались с персоналом, как поступить, что лучше для детей. Часто взрослые оформляли документы и забирали ребенка, а чуть позже, передумав, приводили обратно. В это время заведующие детскими садами вынуждены были успокаивать население, одновременно принимать на себя

ответственность за решение об эвакуации учреждения, определяя этим судьбу сотен детей и семей.

Московский отдел народного образования помогал организовывать массовый вывоз детей. По плану эвакуации столичные районы были закреплены за определенными районами дальнего Подмосковья: Зарайским, Егорьевским, Орехово-Зуевским, Наро-Фоминским и др. Дошкольные работники не теряли самообладания, хотя это было непросто: на Москву смотрела вся страна, что осложняло принятие решений. Ежедневно из столицы выезжали автобусы с детьми, которые были уверены, что это «выезд на дачу»: воспитатели успокаивали детей, пели песни в дороге, играли, рассказывали сказки – словом, делали все возможное, чтобы оградить детскую психику от потрясений. Так, например, в детских садах фабрики «Трехгорная мануфактура» было более 900 воспитанников, из которых вывезли 600. Оставшиеся проживали в Москве или были отправлены в тыл с родителями.

Наиболее организованно уезжали те детские сады, которые следовали за эвакуируемыми промышленными и оборонными предприятиями. Однако нередко руководители заводов и фабрик заменяли сотрудников детских садов своими людьми, настаивавшими на эвакуации совместно с детьми, и заведующие вынуждены были принимать их на работу, жертвуя опытными педагогами. Бывали случаи, когда подготовка к эвакуации проходила в сжатые сроки. Так, детские сады завода «Каучук» получили приказ об эвакуации 500 детей уже через час после объявления войны. В спешке люди погрузились в эшелоны, не успев собрать зимние вещи. В таких случаях, как правило, дети тяжело переживали эвакуацию и долго болели. При самом удачном стечении обстоятельств выезжал почти весь педагогический коллектив. Например, со 150 воспитанниками детского сада газеты «Правда» в эвакуацию отправились 13 человек персонала – заведующая, методист, музыкальный работник, шесть воспитателей, три технические работницы и медсестра. Однако даже в этом случае на каждого взрослого приходилось по 12 детей и достичь оптимального для условий дороги соотношения 1:5 не удавалось.

Первоначальные мероприятия по эвакуации в близлежащие районы оказались напрасными. Во второй половине октября 1941 г. бои шли в Московской области, и детские сады вынуждены были эвакуироваться еще дальше на восток, в глубокий тыл. Москвичи оказались в Ивановской, Чкаловской, Челябинской, Пензенской, Оренбургской, Омской, Горьковской, Саратовской, Куйбышевской областях. Многие уехали еще дальше: в Башкирию, Казахстан, Узбекистан, в район Тянь-Шаня и Среднюю Азию.

Вторую волну эвакуации все пережили значительно тяжелее: поезда бомбили, малыши плакали, а воспитатели, стараясь не показывать страха, под взрывы снарядов рассказывали им сказки. Военный график движения поездов, поток эвакуируемых людей и грузов с запада приводили к тому, что почти все станции и разъезды на подходах к Москве были забиты поездами. Некоторые эшелоны надолго застревали на пересадочных пунктах, что увеличивало путь до 22–40 суток. От педагогов требовалось теперь не только воспитывать, но и сохранять здоровье ребят, кормить, обогревать, снимать психологический шок, для чего подбирались соответствующие методы работы с детьми, обладающие психотерапевтическим эффектом: пение, рисование, сказки, поэзия. В результате стихийно образовался новый «тип» дошкольного учреждения – «теплушка»: во время продолжительного пути дети в утепленных вагонах (отсюда и название) не просто ели и спали, но и придерживались режима детского сада, смотрели постановки, разыгрываемые воспитателями, участвовали в самостоятельности, читали, пересказывали, пели песни и т.д. «Групповые комнаты» создавались заботливыми руками воспитателей с помощью подручных средств: вагонные полки, покрытые матрасами и ковриками, выполняли функцию диванов, чемоданы, накрытые пленкой, стали столами для принятия пищи и занятий, педагоги расставляли детскую мебель, кровати и т.д. В среднем «учреждения-эшелоны» перевозили по 500–600 детей.

Порой было очень трудно добраться до места эвакуации. Например, два московских детских сада эвакуировали 150 детей в несколько этапов. Перед самым отправле-

нием в Пензу выяснилось, что ехать придется в Чкаловскую область; проведя в дороге 12 дней, дошкольные работники с ужасом обнаружили, что среди местного населения бушует эпидемия брюшного тифа и оставаться там невозможно. Дети и взрослые добирались 30 километров на лошадях, потом паромом через реку, а после через горный перевал. По прибытии стало ясно, что те места, к которым были прикреплены измученные долгой дорогой люди, заняты другими и для москвичей ничего не было подготовлено. 150 детей разместили в трех комнатах, после чего выяснилось, что по соседству есть больные корью. На другой день пришлось вновь двинуться в дорогу. Взрослые и дети передвигались пешком от деревни к деревне на расстоянии 3 километров. Только героическими усилиями педагогов все 150 малышей остались живы.

К декабрю 1941 г. в Москве практически не осталось детских садов, а отправленные в эвакуацию превратились в учреждения интернатного типа, комплектовавшиеся детьми от 2 до 14 лет. На месте формировались школьные, дошкольные и ясельные группы. Анализируя типы дошкольных учреждений в годы войны, преподаватель МГПИ им. В.И. Ленина Э.И. Залкинд указывала, что из столицы было вывезено 63 тыс. дошкольников. Сравнивая эти цифры с численностью ребят, охваченных дошкольной работой до войны, можно заключить, что не эвакуированными с детскими садами осталось менее 2 тыс. детей, часть из которых уехали в эвакуацию вместе с семьями. Таким образом, московские педагоги вывезли из столицы 97% детей, посещавших дошкольные учреждения.

Столичные воспитатели справились с поставленной задачей, увезя детей от фронта, но основные испытания еще ждали их впереди – выжить и сберечь ребят в незнакомых условиях. Жизнь в эвакуированных садах налаживалась постепенно. Первое время по приезде из Москвы было хорошо организовано питание: детские интернаты централизованно снабжались продуктами питания в соответствии с установленным лимитом, использовали они и провизию, привезенную с собой. Детские сады везли от 4 до 16 вагонов продовольствия весом 3 тонны каждый – в зависимости от количества воспитанников. Однако вскоре

лимиты продовольствия были снижены. Кроме условий военного времени это объясняется еще и тем, что все детские сады, находящиеся в ведении МОНО, с 1 января 1942 г. перешли в непосредственное ведение местных властей и на бюджет по месту нахождения. Ведомственные интернаты также оказались в тяжелейших условиях, так как предприятия, работавшие на полную мощность для обеспечения нужд фронта, не всегда были в силах материально помочь вверенным им детям.

Заведующие детскими садами и рядовые педагоги в эвакуации кроме воспитания детей и круглосуточного присмотра за ними вынуждены были заниматься крестьянским трудом: топить русскую печь, носить на себе воду, пахать, сеять, собирать урожай, расчищать снежные заносы и т.д. Некоторые интернаты в южных районах силами педагогов и детей получили с выделенных им 5–12 гектаров земли ошеломляющие сельскохозяйственные результаты: до 30 тонн арбузов и дынь, 9 тонн картофеля, 7 тонн огурцов, 5 тонн кукурузы, томатов и тыквы; дошкольные работники разводили коров, свиней, кур и т.д. Жертвенность женщин, их преданность профессии, стремление не просто накормить детей, но накормить вкусно – вот причина таких высоких достижений, требовавших нечеловеческих усилий педагогических коллективов. Воспитательницы детского интерната Военной академии им. М.В. Фрунзе (детский сад № 40) в Кузнецке сами утепляли бараки, заготавливали дрова, ремонтировали погреб; они выстроили овощехранилище, проложили 2 километра дороги и построили два моста. Будучи переброшенными на юг Казахстана и оказавшись в 30 километрах от границы с Китаем, отрезанными от мира перевалом гор Тянь-Шаня, городские женщины уже на новом месте выстроили овощехранилище на 50 тонн, бензохранилище, баню, ежедневно протапливали 32 печи, разводили скот. Еще более удивителен такой факт: все те же столичные воспитатели каким-то непостижимым образом находили время и силы для обеспечения фронта: отсталому колхозу пропололи 72 гектара яровой пшеницы, выдали на госпоставку 60 тонн зерна, в результате чего колхоз вышел на первое место, а интернат в благодарность получил отару

овец. В таких условиях дошкольное учреждение работало в Казахстане с 24 октября 1941 г. по 1 апреля 1944 г. Педагоги, приучая детей к труду, уходу за животными, посадкой и сбором урожая, решали задачи нравственного, трудового и экологического воспитания.

Детские сады Москвы, эвакуированные в Башкирию, также организовали крепкие подсобные хозяйства: имели две–три лошади, одну–две коровы, двух–десять поросят, 20–50 кур и цыплят. Возникла даже проблема переезда с места, ставшего уже обжитым и родным. Например, детский сад Государственного подшипникового завода перед отъездом в Москву оставил свое обширное хозяйство местному детскому дому.

Однако в условиях военного времени так жили далеко не все. Многие детские интернаты, не имевшие плодородной земли, не получавшие поддержки от местной администрации, находились в бедственном положении. Питание детей было крайне скудным: утром – кусок хлеба весом 70 грамм и несладкий кипяток, на обед – суп из пшеницы с малым количеством жиров и кусок хлеба весом 70 грамм, на ужин – кусок хлеба весом 70 грамм и несладкий кипяток. Такого рациона было недостаточно для растущего организма, а воспитатели не могли помочь детям. Они сами были сняты со снабжения, заработную плату им задерживали. Многие, заменившие местных работниками, и вовсе потеряли работу. Во многих интернатах не заготовили топливо к зиме, следовательно, не было тепла и условий для приготовления пищи, дети пили сырую воду, в результате часто болели. Многие эвакуированные детские сады страдали от перебоев в снабжении хлебом: вместо него выдавалась мука, однако при отсутствии печей и топлива использовать ее надлежащим образом у дошкольных работников не было возможности. Все эти факторы негативно сказывались на психологическом состоянии детей, постоянно напоминая им о далеком доме. В данных условиях единственной надеждой на спасение ребят было внешнее спокойствие столичных педагогов, хотя сами они были оторваны от семей, часто не имели вестей от близких, переживали за родных, коллектив и воспи-

танников. В тяжелейших условиях городские женщины сумели не только выстоять, освоить деревенский труд, но и вселить надежду в души детей, родителей и местного населения, с пиететом смотревшего на москвичей.

Большинство детских садов Москвы провели в эвакуации около двух лет, столкнувшись с еще одной проблемой: воспитанники выросли, стали школьниками, что требовало от воспитателей особого подхода к организации режима дня, рабочего места и т.д. И здесь столичные дошкольные педагоги проявили силу и стойкость характера, не только блестяще подготовив ребят к обучению в школе, но и существенно повысив показатели школьной успеваемости детей из регионов. Московские воспитатели, зная, что на них равняются и возлагают надежды местные педагоги, освоили содержание школьной работы и сами занимались с учениками.

Героизм педагогов проявлялся в непосильном труде, ответственности за сотни жизней, вынужденном круглосуточном присутствии с детьми, решении множества нестандартных задач. Однако эвакуация дала определенный положительный эффект в развитии дошкольного воспитания: Москва, Ленинград, Харьков, Киев, Уфа, Махачкала и другие города, оказавшись соседями по временному месту жительства, обменивались педагогическим опытом, обогащая воспитательно-образовательный процесс.

Несмотря на почти стопроцентную массовую эвакуацию детей, осуществленную столичными педагогами, некоторые дети все же остались в городе, переживавшем непростые времена. Напряжение взрослых, мысленно допускавших возможность вступления в столицу врага, страх за родных передавались и детям, многие из которых отказывались говорить, плакали, замыкались в себе. Необходимость помощи подавленным, морально и физически истощенным ребятам заставляла искать новые формы дошкольного воспитания, привлекать как опытных сотрудников, так и студентов, только осваивающих профессию. С дошкольниками преподаватели МПГИ Е.А. Флёрина, Э.И. Залкинд, Л.И. Красногорская, Н.А. Метлов и студенты-практиканты работали на станциях метрополите-

на, превращенных в бомбоубежища. Во время воздушных налетов и ежедневно с 19 часов движение в метро останавливалось, и ребят ждали дошкольные работницы. На станции подавались вагоны, где размещали малышей, а для детей постарше на платформе расставлялись кровати. С детьми проводили беседы, им читали. Дети играли в лото и другие настольные игры, рассматривали книги и т.д.

Еще одной формой работы, необходимой в прифронтовом городе, стали детские комнаты на эвакуационных столичных вокзалах, где постоянно находилось два потока беженцев: москвичи уезжали на восток, а выехавшие из западных областей страны ждали дальнейшего отправления.

Почти каждая семья вынужденных переселенцев имела детей дошкольного и младшего школьного возраста, и нередко родители, занятые хлопотами по «отовариванию» продовольственных карточек (литеров), погрузкой вещей и т.д., оставляли детей одних. Дети томились в ожидании родителей, прислушивались к разговорам взрослых, рассказывавших страшные подробности немецкой оккупации. Такое времяпрепровождение негативно сказывалось на психике детей, усугубляя их страхи и волнения.

И здесь на помощь приходили действующие и будущие педагоги, которые создавали в эвакуационных детских комнатах. План работы с детьми 2,5–9 лет напоминал по содержанию мероприятия детского сада: детей мыли (при необходимости), с ними вместе играли, ухаживали за обитателями живого уголка, читали, пели, рисовали. Дети с удовольствием смотрели представления кукольного театра, диафильмы, играли и танцевали под патефон, разучивали песни, слушали сказки. Каждое занятие длилось не более 15 минут. И хотя дети собирались всего на 1,5–2 часа, работа в детских комнатах была насыщенной. Вот пример только одного дня работы детской комнаты при эвакуационном Ярославского вокзала Москвы: 1) сбор детей; 2) игры и занятия по выбору; 3) маршировка; 4) слушание песенки «Петушки»; 5) наблюдение рыбок и устройство аквариума в уголке природы; 6) подвижная игра «Позвони!», 7) пение песни «Три танкиста»; 8) пляски. Песни, танцы, рассказы и беседы были пронизаны

патриотизмом, надеждой на скорую победу над врагом.

Ежедневно в 10 часов утра студенты проходили по спальням, залам и другим помещениям эвакуационного пункта и собирали детей в детскую комнату. При этом часто подолгу приходилось убеждать родителей, что детей не обидят, вернут обратно и т.д. Многие родители шли вместе с детьми, чтобы самим наблюдать за происходящим, однако, увидев детскую комнату и довольные лица малышей, отмечали, что идея организации такой работы очень удачна и сразу видно, что попали они в столицу, где о детях заботятся.

Подобный опыт совместной работы преподавателей МПГИ Е.А. Флёриной, Э.И. Залкинд, Л.И. Красногорской, Н.А. Метлова и студентов дошкольного отделения был освещен в статье «Работа студентов с детьми в дни войны» (см.: Дошкольное воспитание. 1942. № 7).

Эвакуация Москвы и через Москву закончилась к концу осени 1941 г. На эвакуационном пункте задерживались все меньше ребят, и потребность в детских комнатах постепенно исчезла. Педагоги, мгновенно отреагировав на изменение ситуации, развернули деятельность в жилтовариществах.

Во второй половине ноября 1941 г. началась работа студенток-дошкольниц на детских базах Фрунзенского района столицы. Базы располагались в непосредственной близости от домов, где проживали дети, что было вынужденной мерой в условиях постоянных воздушных налетов на Москву. Базы открывались в бомбоубежищах больших домов, которые представляли собой одну комнату с низким потолком, часто не имевшую необходимого оборудования и материалов для игр и занятий детей, хотя вызывает удивление оперативность воспитателей, за считанные дни сумевших найти помещения, оформить «групповые комнаты», собрать ребят и т.д. Посещали детские базы дети разного возраста (обычно от 2 до 11 лет, по 25–30 детей), состав которых был достаточно стабильным. Особенно регулярно занятия посещали дошкольники.

В работе с детьми в этот период огромное значение имели беседы, музыкальные и литературные произведения, трудовые занятия – все, что составляло основу патри-

отического воспитания. Призванная отвлекать детей от тяжелых переживаний, активно развивалась кружковая работа: хоровой кружок, кружок ксилофонного оркестра (руководитель Н.А. Метлов), кружок художественного слова (руководитель Е.А. Флёрина). Благодаря терпеливым разъяснениям воспитателей и их материнской любви легче проходила адаптация детей в тяжелых условиях: воспитанники понимали ответственность и тяжесть работы взрослых, необходимость мириться с лишениями, неизбежность расставания с горячо любимыми людьми. Даже вынужденному детскому труду мастерством педагогов придавалась патриотическая направленность: дети, сознавая важность своей работы, вышивали кисеты, рукавицы и носовые платки для бойцов, клеили конверты, рисовали, писали письма фронтовикам и т.д. Часто воспитанники детских баз ездили к бойцам в госпитали, рассказывали им стихи, пели песни, дарили поделки и рисунки. Дошкольники показывали раненым праздничные программы, посвященные Новому году, Дню Красной Армии и др. Значение этих встреч для фронтовиков и детей сложно переоценить: раненые с радостью аплодировали, брали детей на руки, целовали, обещали передать приветы родным, сражавшимся на фронте, – все это было необходимо ребятам, тяжело переживавшим разлуку с отцами и другими родными.

Постепенно детские базы перестали пользоваться популярностью: большинство жителей столицы, устав от постоянных спусков в бомбоубежища, целыми семьями решали пережить авиационные налеты дома.

Над Москвой нависла реальная угроза – вражеская авиация бомбила столицу все чаще. В этих условиях дошкольные работники не переставали заботиться о детях, родители которых не эвакуировались и работали от зари до зари для обеспечения нужд фронта. Детские сады, оставшиеся в столице, практические не выходили из бомбоубежищ, – их называли «детсадами под землей». Так функционировало дошкольное учреждение на Красносельской улице, дом 7/9. Место для прогулок было выделено через три дома от бомбоубежища: приходилось буквально короткими перебежками доставлять детей на участок,

тоже небезопасный. Однако силами родителей территория была превращена в скалочный уголок: домики, танки, горы, коллны из снега – все настолько радовало детей, что они отказывались идти в помещение даже на время еды и отдыха. В среднем детские сады Москвы вели работу в бомбоубежищах в течение 1,5–2 лет. За это время, делая все возможное, а порой и невозможное, воспитатели помогали детям пережить страх, вновь учили их играть, веселиться, радоваться, быть счастливыми.

Например, воспитатели детского сада Железнодорожного района столицы, который эвакуировался одним из последних (в ноябре 1941 г.), в условиях осадного положения города не снижали качества воспитания, почти ежедневно организуя экскурсии для детей в парк Сокольники, Ботанический сад, зоопарк. Случалось, что воздушная тревога не была объявлена, а Москву начинали бомбить; в таком случае воспитателю нужно было, сохраняя самообладание, довести детей до убежища и укрыть. Для этого требовалась огромная внутренняя работа над собой и мужество. Однако героические усилия были оправданы: воспитанники не сидели в замкнутом помещении, они жили полноценной, насыщенной жизнью, обучались и развивались.

Перелом в настроении москвичей произошел 5–6 декабря 1941 г., когда началось контрнаступление под Москвой и войска противника были отброшены от столицы на 100–250 километров. Нависшая над главным городом страны угроза была ликвидирована, однако занятость женщин на производстве и перевод предприятий на безостановочную работу требовали от воспитателей круглосуточной работы «детских садов под землей».

В конце декабря 1941 г., в связи с улучшением ситуации на фронте, постановлением Моссовета было разрешено проводить новогодние елки в надежных бомбоубежищах. Например, во Фрунзенском районе Москвы силами студентов МГПИ было проведено 20 новогодних елок. Новогодние представления для ребят проводились в дальнейшем ежегодно, с каждым Новым годом приобретая все более яркий патриотический характер. Наиболее популярны были спектакли «Сказка старого года» и «Петрушка и Гитлер», где лейтмотив

тивом проходила победа СССР над фашистской Германией.

В конце января 1942 г. враг был отброшен на 350–400 километров от Москвы, и каждому району разрешили открыть детский сад в бомбоубежище. Вот как описывает дни московских садов в бомбоубежищах преподаватель кафедры дошкольной педагогики МПГИ Ф.С. Левин-Щирин: «Дети пугливы, тревожны, настороженно прислушиваются к звукам моторов самолетов, панически боятся бомбежек, прячутся под стол, ищут защиты у воспитателя, бегут к нему с криками, бледными лицами». Большие затруднения вызывала работа с детьми в увеличенных по численности группах по 35–45 человек вместо 20–25 до войны. В дошкольные учреждения попало большое количество детей, привыкших к домашним условиям, не имевших навыков самообслуживания, много было детей с ослабленным здоровьем. Все эти факторы существенно осложняли работу детских садов и адаптацию детей в них, однако даже такие условия являлись лучшим выходом для ребят, нежели ожидание родителей со смены по 12–18 часов в одиночестве дома. И снова на помощь педагогам приходило искусство: сказки, мелодии, рассказы заставляли детей хоть ненадолго забыть о тяготах войны.

В феврале 1942 г. в Москве открылось 25 детских садов, комплектовавшихся маленькими москвичами и эвакуированными из Ленинграда детьми. Открытие дошкольных учреждений вдохнуло жизнь в город: у родителей и ребят появилось ощущение, что «всё как раньше, до войны», а разгром врага под Москвой стал для людей синонимом скорой победы над Германией, ибо в военные годы все не просто ориентировались на столицу, а жили Москвой.

Однако и Москве было непросто. Восстановленные детские сады столицы испытывали множество трудностей: нехватка ночного белья, недостаток в снабжении продовольствием, неравномерность поступления продуктов (мясо, молоко, яйца выдавались в конце месяца за весь срок). Педагогическим коллективам пришлось проявить немало мужества, чтобы не только выходить детей, но и дать правильную оценку рассказам, которые столичные дети услышали от

ленинградских сверстников. В это время особенно часто дошкольные педагоги прибегали к патриотическим и эстетическим занятиям с детьми: игры, письма и посылки на фронт, поездки в госпитали, приглашение демобилизованных в детские сады – все, что помогало понять оправданность лишений ради будущей мирной жизни.

Сплоченность педагогических коллективов в годы Великой Отечественной войны поддерживалась моральной ответственностью, которая легла на плечи каждого сотрудника детского сада. Переписка педагогов с родителями как особая форма работы помогала разлученным членам семьи найти родных, узнавать о жизни друг друга. Таким образом детский сад стал для многих своеобразным центром сосредоточения информации о детях, вселял надежду на светлое будущее каждой семьи. Часто в гимнастерках убитых бойцов находили письма к заведующим детскими садами или послания от детей, с которыми они шли в бой.

Столичные дошкольные работники всегда являлись эталоном, образцом для подражания всей страны, их ответственность за качество дошкольного воспитания в годы войны возросла многократно. Героизм воспитателей не вызывает сомнений, хотя сами они честно выполняли свой долг, не считая себя героями. Стойкость и мужество хрупких женщин подкреплялись осознанием важности своей мирной профессии в дни суровых испытаний. Жизнестойкости и оптимизму заведующих и воспитателей детских садов военного периода, воспитавших поколения наших детей и отцов, нужно низко поклониться.

Рекомендуемая литература

1. *Сорокина А.И.* Переписка с родителями как средство воспитания // Дошкольное воспитание. 1943. № 6, 7.

2. *Флёрина Е.А., Залкинд Э.И., Красногорская Л.И., Метлов Н.А.* Работа студентов с детьми в дни войны. Из опыта кафедры дошкольной педагогики МПГИ им. В.И. Ленина // Дошкольное воспитание. 1942. № 7.

Архивные материалы. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦГАМ). Фонд 528. Отдел народного образования Исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов и трудящихся. Документальные материалы постоянного хранения за 1931–1951 гг.

3. О. 1. Т. 1. Д. 784 – Сводные годовые статистические отчеты Мосгорono по детским садам (РИК ф. № 78) за 1940 г.

4. О. 1. Т. 1. Д. 784 – Отчет Мосгорono о работе детских садов г. Москвы за июнь–декабрь 1942 г.

5. О. 1. Т. 1. Д. 834 – Докладные записки заведующего Мосгорono заместителю Председателя СНК СССР об эвакуации детей и положении эвакуированных детских учреждений за 1942 г., 29.04.1942–25.11.1942.

6. О. 1. Т. 1. Д. 897 – Отчеты сектора детских домов о работе детских домов г. Москвы за 1942/43 учебный год, ч. 1, 2.

7. О. 1. Т. 1, Д. 900 – Отчет Мосгорono о работе дошкольного сектора Мосгорono за 1943/44 учебный год.

8. О. 1. Т. 1. Д. 950 – Сводные годовые статистические отчеты Мосгорono и РОНО г. Москвы по детским садам (РИК ф. № 78) за 1944 г.

9. О. 1. Т. 1. Д. 991 – Отчеты РОНО г. Москвы о работе детских садов за 1944/45 учебный год, ч. 1, т. 1, 2.

10. О. 1. Т. 1. Д. 992 – Отчеты РОНО г. Москвы о работе детских садов за 1944/45 учебный год, ч. 1, т. 1, 2.

11. О. 1. Т. 1. Д. 1000 – Сводные годовые статистические отчеты Мосгорono и РОНО г. Москвы по детским садам (РИК ф. № 78) за 1944 г.

12. О. 1. Т. 1. Д. 1100 – Сводные годовые статистические отчеты Мосгорono и РОНО г. Москвы по детским садам (РИК ф. № 78) за 1945 г., ч. 1, 2.

А. ГОЛДОВСКАЯ,

аспирант кафедры дошкольной педагогики,
Московский педагогический
государственный университет,
e-mail: maktub-24@rambler.ru

ЧЕТВЕРКА ДРУЖНАЯ РЕБЯТ

С. Маршак

Четверка дружная ребят
Идет по мостовой.
О чем-то громко говорят
Они между собой.
– Мне шесть, седьмой!
– Мне семь, восьмой!
– Мне скоро будет пять.
– Пойдет девятый мне зимой.
Мне в школу поступать.
– Ушел сегодня мой отец.
– А мой ушел вчера.
– Мой брат и прежде был боец.
– Моя сестра – сестра!
– Сегодня дома из мужчин
Остался я один.
Работы столько у меня,
Что не хватает дня.

Я гвоздь забил.
Песок носил.
Насыпал два мешка.
Расчистил двор,
И всякий сор
Убрал я с чердака.
– На фабрику уходит мать,
А детям нужен глаз.
Я их учу маршировать,
Носить противогаз!
– Нельзя ребятам на войну,
Пока не подрастут.
Но защищать свою страну
Сумеем мы и тут!
Четверка дружная ребят
Идет по мостовой.
Я слышу: громко говорят
Они между собой.

«Дошкольное воспитание», № 9, 1941 г.